

ИНТЕРВЬЮ не получалось.

— Не успеем. Сразу после вечера я — на поезд, — сказал Виктор Викторович. — Звоните лучше в Ленинград.

...Сколько же книг написал Виктор Конецкий? Я приблизился к десяти и сбился. Как считать, например, «За доброй надеждой»? Одна это книга, жанр которой автор определил как «роман-странствие», или три, ибо ее составные — «Соленый лед», «Среди мифов и рифов» и «Морские сны» — публиковались раньше самостоятельно? Первая книга В. Конецкого вышла в 1957 году, а последняя, в издательстве «Современник», в самом конце 1982-го. Цифры сопоставились, и оказалось, что можно отметить юбилей — четверть века в литературе. Сам же Конецкий скажет так: всю жизнь — в сущности, пишу одну книгу — роман-странствие с продолжением. Странствие в пространстве — по океанам. И во времени — по жизни.

Он скажет это позднее, а пока я стою в фойе ЦДЛ имени А. А. Фадеева, где вот-вот начнется встреча писателя с москвичами, и думаю о несостоявшемся интервью.

ГОВОРЯТ, искусство интервьюера в том, чтобы умно поставить вопросы. А может быть, и в том, чтобы не задавать лишних? На многие возможные вопросы и о блокадном детстве, и о службе на флоте, и о друзьях, и о жизненных удачах и неудачах, литературных привязанностях, занятиях живописью, да и о собственном писательском деле Виктор Конецкий отвечает в своих предельно откровенных, до исповеди, книгах (я убедился в этом, снова просматривая их перед встречей). Многие просят и те, кто писал о нем.

Возьмем эпиграфом к этому воображаемому разговору строчку из «Вчерашних забот» — «Море требует прямых вопросов и прямых ответов» — и начнем: — Почему вы, моряк, стали писателем?

— «Почему пишешь?.. Любовь к себе? Честолюбие? Желание доставить хорошим людям удовольствие? Желание, чтобы тебя полюбили и любили? Нестерпимость стремления поделиться близостью к истине? Сознание того, что сложность вопроса одному не под силу? От избытка радости? От чрезмерности горечи? По приказу искренности? По ее гену?» («Среди мифов и рифов»)

— Что главное для писателя? — «Упорство — вот тайна писательского мастерства, как и всего остального». Джек Лондон. Этой цитатой открывается «Записная книжка штурмана» за 1953 год. (Р. Файнберг. «Виктор Конецкий»)

— Как вы определите тот жанр, в котором работаете в последнее десятилетие?

— «...и такому жанру привыкнуть надо... Норман Мейлер... сочинил биографию Мэрилин Монро и указал жанр: «фантоиды», то есть смесь фантов и вымысла». («Третий лишний»)

— Но, как вы сами признаетесь, смесь дневника и вымысла «взрыбчата и опасна». Героев можно смоделировать, детали их биографий — придумать. А как быть с автором? Можно ли поставить знак равенства между рассказчиком и Виктором Конецким?

— «Хотя лирический герой носит имя и фамилию автора, все же разница между ними есть, меньшая, чем когда герой называет себя Петром Ивановичем Итичником, но все же есть». (Д. Гранин. Предисловие к книге «Соленый лед»)

— Разве есть в этом необходимость?

— «Если считать искренность главным условием художественной глубины и ценности произведения искусства, то от художника требуется исповедь, требуется беспрепятственное заглядывание в себя самого, в свое самое интимное нутро, в самый центр противоречий своих мыслей, в самое слабое место души. Но только гении преодолевали в себе то чувство зависимости от чужого мнения, которое мешало среднему художнику написать исповедь, как писал ее Руссо, Толстой, Достоевский. ...Никто не знает, почему человек, обливаясь над заведомым вы-

мыслом слезами, получает от этого высшее наслаждение. А без читательского наслаждения нет художественной литературы. Облиться слезами над твоей собственной судьбой читатель почему-то не способен, даже если очень тебе сочувствует. И вот тут поймешь, что без вымысла в рассказе о своей и чужих судьбах не обойтись. Никак при этом не хочу умалять роль автора документальной прозы. Документ молчит без автора-художника. Это автор открывает документу рот». («Среди мифов и рифов»)

— Ваш главный нравственный принцип?

Виктор КОНЕЦКИЙ:

СТРАНСТВИЕ ПО ОКЕАНУ ЖИЗНИ

— «Подлаживаться к людям, мириться с междометием в них, чтобы обрести тишину и поной, — значит, погубить в первую очередь свою душу». («Среди мифов и рифов»)

— Как вы относитесь к славе? — «И красивая женщина, и хороший писатель верят комплименту только на короткий миг самого комплимента, ибо сомневаются в себе». («Третий лишний»)

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ в фойе Центрального Дома литераторов прозвенел звонок.

ИЗ ВСТУПЛЕНИЯ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЯМИ:

Осенью я вернулся из своего последнего плавания. На теплоходе «Индиго» шел в Арктику дублером капитана и действительно исполнял обязанности судоводителя — на вахте по 12 часов в сутки. Писать об этом рейсе не буду, но на людей удивительно повезло, расставаться с ними — горе. Основным капитаном оказался Лев Аркадьевич Шкловский, старый опытный моряк, с которым мы познакомились тридцать лет назад, когда оба впервые пошли на Дальний Восток Северным морским путем. И вот через тридцать лет судьба нас снова свела на мостике, и мы пошли в последний в жизни арктический рейс.

ЗАПИСНА ИЗ ЗАЛА: «Виктор Викторович, из ваших слов я понял, что вы о море пишете больше не будете. Кто же будет писать о моряках?» Подпись — механик плавсостава.

ОТВЕТ: Поставлена точка в морской биографии, но морскую тему я никогда не брошу. Это единственное ремесло, которое я знал в своей жизни, и знал достаточно хорошо, ни одной аварии по моей вине не было. А плавал много — если сложить количество дней, проведенных в море, то получится 15 лет. Любый рейс для матроса, для механика, для штурмана — это всегда настоящая мужская работа, чего там говорить! И прощаться с ней очень трудно.

Но «Пройденного пути от нас не отберешь» — так, перефразируя слова из-

вестной песни, говаривал старый капитан в дни моей военно-морской молодости, так я и собираюсь назвать свою следующую морскую книгу о событиях 1952—1954 годов на Северном флоте. Сейчас плотно сажусь за эту работу. А из «сухопутных» тем так же давно гложет неоконченная пьеса — «В некотором роде драма», хотя поначалу думал назвать ее «В некотором роде комедия». Комедийный элемент, конечно, есть, но не в такой мере, как, скажем, в сценариях

ПИСАТЕЛЬ

ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

фильмов «Полосатый рейс» или «Тридцать три». Это биография одной семьи, но девяносто процентов выдуманно.

ЧЕРЕЗ несколько дней набираю код Ленинграда. Номер Конецкого.

— Доброе утро, Виктор Викторович. Не оторвала вас от дела?

— Нет, если не считать делом чтение.

— А что читаете?

— Сергея Колбасьева. Не знакомо вам это имя? Вот видите, значит, необходимо его перечитать. Был такой морской писатель, участник гражданской войны, друг Ларисы Рейснер, к одной из его книг писал когда-то предисловие Николай Тихонов. Как всегда, у меня на столе Макс Фриш, его фрагментарный метод очень интересен. Кажется, он собирается в нашу страну, и нам предстоит личное знакомство. Несколько книг «около науки», это тоже постоянное чтение. А вообще читаю сейчас мало. И это хороший признак — много читается, когда не пишется.

— В «Современнике» вышла ваша новая книга «В сугубо внутренних водах»...

— Там ничего нового. «Вчерашние заботы», а перед ними — давняя вещь, «Кто смотрит на облака», она выходила в Ленинграде, герои ее знакомы тем, кто видел телефильм «Хлеб по воле» с Юрским в главной роли. Но в фильме не вся книга, а только одна глава. Теперь пришлось роман слегка подправить, выкинуть кое-где литературщину «раннего Конецкого» и вставить один рассказ, который туда ложился.

— А где будет новое?

— Только что сдал рукопись в «Зве-

зду». Называется она «Пришла пора таких замет». Это непривычный для меня жанр — нечто вроде эссе. Размышления о литературе, об искусстве, о его роли в жизни вообще и в моей, естественно. Некоторая пауза, таймаут, что ли, между морскими книгами. Последняя из них — «Третий лишний», знакомая вам по журнальной публикации повесть об антарктическом плавании, выйдет в этом году в «Советском писателе» вместе с тремя опять то ли воспоминаниями, то ли эссе — о рано погибшем моем товарище Викторе Курочкине, об актере Олеге Дале и о Викторе Борисовиче Шкловском, который в свои девяносто лет сохранил молодое свойство парадоксальности и темпераментности мысли. (Отрывок о нем был напечатан в «Неве»). Не столько даже я о нем пишу, сколько он сам очень о многом — в интереснейших письмах ко мне. В этой книге будет три, а получается значительно больше этих повестей о жизни и смерти, продиктованных внутренней необходимостью не только отдать долг товариществу, но и философски осмыслить судьбы ярких и непохожих людей, с которыми встречался на берегу. В Антарктиде вспоминал Смуула, там почувствовал, что пришла пора и таких замет. Виталий Семин, Геннадий Шпалников, Владимир Высоцкий. Рано уходят дороге сердцу товарищи... А список продолжается. Вот и Юрий Казаков — один из близких друзей. О нем писать пока не могу, еще не отстоялось горе. Все думают, что Казаков создал мало, так сказать, рано сошел с круга. Это соответствует действительности. Но вы скоро увидите, как будет вырастать количество им написанного, если друзья начнут публиковать его письма. Он их посылал иногда по 12—13 в день и каждое — это 2—3 страницы настоящей большой прозы. С ним из моей жизни ушло многое. Не всякий найдет в себе силы нелицеприятно, хотя и с юмором, сказать о твоей книге все, что он о ней думает. Ругая — поддержать. И это на пороге смерти...

После короткой паузы в телефонной трубке вновь зазвучал голос:

— Я довольно остро пережил рубеж своего 50-летия и потому, как недосчитался в этот день многих из своих друзей, и потому, что сознавал: пришло время оглянуться и посмотреть, лезть дальше или нет. И понял: надо подтянуть резервы, ибо чем больше уходит людей твоего поколения, тем больше на тебя ложится.

— Чем же окончить статью?

— Пишите, буду диктовать. Это последняя страница из той новой работы, что отнес в «Звезду»:

«...Сколько смятения! Как я чувствую короткость остающегося времени. Как понимаю, что нельзя идти по документальной информации. Нельзя топтаться на уже обжитом рубиконе. Надо переступить, или, если это невозможно, — просто молчать. Какие мучительные и растерянные метания! То решаешь вернуться к себе раннему, к первым рассказам, переписать все, выкинуть тысячи пустых страниц, смонтировать в одну книгу, отдать этой работе оставшуюся жизнь и тогда, мол, автоматически получится грамм ради — только не влезать больше ни во что новое! А то вдруг осеняет мысль о семейной хронике. Начать, предположим, со дня рождения матери — 1893 год. Но это сколько же надо в архивах просидеть, чтобы в дух конца прошлого века проникнуть, а затем, через все войны, революции... Огорь берет: не хватит уже на такую огромную работу, и потому черт все шепчет: «Ты должен просто рассказать то, что видел в море и что знают немногие, а ты видел».

Алла ЛАСКИНА